

§ 5 МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В XXI ВЕКЕ

Ерпылева Н.Ю.

ЭВОЛЮЦИЯ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются вопросы, посвященные эволюции коллизионного регулирования в международном частном праве России. Автор раскрывает понятие, структуру и виды коллизионных норм, подчеркивая, что понятие коллизии законов является важнейшей категорией международного частного права в целом. Исторически основу МЧП всегда составляли коллизионные нормы, которые с юридико-технической стороны представляют собой наиболее сложные нормы, входящие в область МЧП. Совокупность таких норм, применимых для регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, составляет коллизионное право. Коллизионные нормы в МЧП – это нормы особой категории, нормы отсылочного характера, обладающие двумя особенностями: во-первых, коллизионные нормы не регулируют непосредственно права и обязанности субъектов правоотношений, а лишь содержат принцип, руководствуясь которым можно выбрать подлежащее применению право; во-вторых, эффект правового регулирования с помощью коллизионных норм достигается в совокупности с теми материально-правовыми нормами, к которым они отсылают. Автор приводит подробную классификацию типов формул прикрепления, под которыми понимаются привязки двусторонних коллизионных норм. В статье с помощью сравнительного и формально-логического методов исследования автором проведен детальный анализ коллизионных норм, содержащихся в российском законодательстве, которое представлено ГК РФ, СК РФ и КТМ РФ. Наряду с национальным российским законодательством автор приводит и те коллизионные нормы, которые содержатся в международных договорах как источниках МЧП. Анализ содержания коллизионных норм российского законодательства позволил автору утверждать, что современное коллизионное регулирование в России осуществляется в соответствии с теми тенденциями развития МЧП, которые можно увидеть через призму международного измерения. Основные формулы прикрепления, применяемые в международных договорах и региональных наднациональных актах, нашли отражение в МЧП России. Примером данного утверждения может служить отмена односторонней коллизионной нормы об обязательной письменной форме внешнеэкономической сделки, хотя бы одной из сторон которой выступает российское юридическое лицо. Отныне форма сделки подчиняется праву страны, подлежащему применению к самой сделке. Однако в соответствии с принципом *favor negotii* вводится кумулятивная коллизионная норма, согласно которой достаточно соблюдения права страны места совершения сделки для признания ее юридически действительной (п. 1 ст. 1209 ГК РФ).

Abstract: The article concerns the issues of evolution of conflict of laws regulation in the international private law of Russia. The author reveals definition, structure and types of conflict of laws norms, pointing out that the definition of conflict of laws is a very important category of international private law in general. Historically, the international private law was based upon the conflict of laws norms, and from the standpoint of legal techniques these are the most complicated norms in the international private law. The totality of these norms applicable for the regulation of private law relations forms conflict of laws law. The conflict of laws norms in the international private laws are the norms of special category, reference norms having 2 specific features. Firstly, the conflict of laws norms do not directly regulate rights and obligations of the subjects of legal relations, they just include the principle based upon which one may choose the applicable law. Secondly, the effect of legal regulation with the use of conflict of laws norms is achieved in combination with the material legal norms, to which they are referring. The author provide detailed classification of types of formulae for attachment of bilateral conflict of laws rules. In the article with the assistance of comparative and formal legal methods of research the author provides detailed analysis of conflict of laws norms in the Russian legislation, as represented by the Civil Code, Family Code and Maritime Trade Code of the Russian Federation. In addition to the norms of national Russian legislation the author provides conflict of laws norms in the international treaties, them being sources of international private law. The analysis of contents of conflict of laws norms in the Russian legislation

allowed the author to state that the modern conflict of laws regulation in Russia takes place in accordance with the tendencies of development of the international private law, which may be seen through the prism of the international dimension. The main attachment formulae as applied in the international treaties and regional supranational acts are reflected in the international private law of Russia. The example of this statement may be found in abolishment of the unilateral conflict of laws norms on obligatory written form of an international economic contract, while one of the parties is a Russian legal entity. However, according to the principle of *favor negotii*, the cumulative conflict of laws norm is introduced, and according to this norm conformity with the law of the state, where the deal was concluded is sufficient for recognizing its legal validity.

Ключевые слова: Коллизионная норма, коллизионное регулирование, международное частное право, структура коллизионной нормы, формула прикрепления, объем коллизионной нормы, привязка коллизионной нормы, статут правоотношения, межгосударственные коллизии, классификация коллизионных норм.

Keywords: Conflict of laws norm, conflict of laws regulation, international private law, structure of the conflict of laws norm, attachment formula, volume of conflict of laws norm, attachment of a conflict of laws norm, statute of the legal relation, conflicts of law among the states, classification of conflict of laws norms.

1. Понятие, структура и виды коллизионных норм в международном частном праве

Важнейшей категорией международного частного права является понятие коллизии законов. Исторически основу МЧП всегда составляли коллизионные нормы, которые с юридико-технической стороны представляют собой наиболее сложные нормы, входящие в область МЧП. Совокупность таких норм, применимых для регулирования частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом, составляет коллизионное право¹. Несмотря на тот факт, что коллизионными вопросами содержание МЧП отнюдь не исчерпывается, коллизионное право представляет собой сложную и весьма важную часть МЧП. В переводе с латинского языка термин «коллизия» означает столкновение. О коллизии, столкновении законов говорят в том случае, когда то или иное правоотношение связано с несколькими правовыми системами, потенциально применимыми для его регулирования.

Коллизионные нормы в МЧП – это нормы особой категории, нормы отсылочного характера. Они имеют две особенности: во-первых, коллизионная норма не регулирует непосредственно права и обязанности субъектов правоотношений, а лишь содержит принцип, руководствуясь которым мы можем выбрать подлежащее

применению право; во-вторых, эффект правового регулирования с помощью коллизионной нормы достигается в совокупности с той материально-правовой нормой, к которой она отсылает². Отсылочный характер коллизионных норм означает, что в их тексте нет сочетания гипотезы, диспозиции и санкции – неотъемлемых составляющих иных правовых норм. Коллизионные нормы включают объем и привязку, а их действие всегда предполагает наличие соответствующего материального права. Как пишет Г.К. Дмитриева, коллизионная норма – это норма, определяющая, право какого государства должно быть применено к данному частноправовому отношению, осложненному иностранным элементом³. По мнению В.П. Звекова, главное отличие коллизионной нормы от других юридических предписаний – преодоление коллизионной проблемы путем определения применимого права, то есть права, подлежащего применению в силу указания коллизионной нормы⁴.

Основная мысль, заключающаяся в данных формулировках, указывает на то, что речь идет о праве государства, применимом к соответствующему правоотношению. В связи с этим в российской науке МЧП был поставлен следующий теоретический вопрос: отражает ли общепризнанное определение коллизионной нормы существо того, на применение

¹ См.: *Асосков А.В.* Основы коллизионного права. М., 2012; *Асосков А.В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств. М., 2012; *Звеков В.П.* Коллизии законов в международном частном праве. М., 2007; *George M., Dickinson A.* Statutes on the Conflict of Laws. Hart Publishing, 2014; *Harding M.* Conflict of Laws. Routledge, 2013; *Hay P., Weintraub R., Borchers P.* Conflict of Laws: Cases and Materials (University Casebooks Series). Foundation Press, 2013; *Lipstein K.* Principles of the Conflict of Laws National and International. Springer, 2012; *Little L.* Conflict of Laws: Cases, Materials, and Problems (Aspen Casebooks Series). Aspen Publishers, 2013.

² Концепция действия коллизионно-правовой нормы в сочетании с материально-правовой нормой была детально разработана в трудах выдающегося российского ученого, основоположника российской науки МЧП профессора Л.А. Лунца. См.: *Лунц Л.А.* О сущности коллизионной нормы // ВИЮН. Ученые записки. Вып. 9. М., 1959. С. 105-124.

³ См.: *Дмитриева Г.К. (ред.)* Международное частное право: Учебник. М., 2013. С. 109. (автор раздела – Г.К. Дмитриева).

⁴ См.: *Марышева Н.И. (ред.)* Международное частное право: Учебное пособие. М., 2012. С. 53. (автор раздела – В.П. Звеков).

какого именно права она указывает? При ответе на этот вопрос М.Н. Кузнецовым было подчеркнuto, что «глубина и разнообразие современных международных частнопровых отношений и источников их регулирования несравненно богаче, чем это было в то время, когда сложилась господствующая в настоящее время формулировка коллизионной нормы (конец прошлого века). Не подлежит сомнению, что в подавляющем большинстве случаев коллизионная норма отсылает именно к внутренней правовой системе государства. Однако развитие отдельных институтов МЧП, например, института охраны результатов творческой деятельности, к настоящему времени существенно обогатило практику. Таким образом, правильнее дать определение коллизионной нормы как нормы права (национального или международного), указывающей на то, право какой страны или какое международное соглашение подлежат применению к данному правоотношению»⁵.

В юридической литературе коллизионная норма в большинстве случаев традиционно рассматривалась как норма гражданского права. Л.А. Лунц подчеркивал, что коллизионная норма вместе с той материально-правовой нормой, к которой она отсылает, образует настоящее правило поведения для участников гражданского оборота. Коллизионная норма, как и всякая другая гражданско-правовая норма, может иметь либо императивный, либо диспозитивный характер⁶. Таких же взглядов придерживались и другие крупнейшие специалисты в области МЧП, например, И.С. Перетерский и С.Б. Крылов. Они полагали, что «коллизионная норма регулирует разрешение определенного вопроса, но не самостоятельно, а в совокупности с тем источником права, на который она ссылается»⁷. М.М. Богуславский совершенно справедливо отмечает, что «коллизионная норма – это норма, определяющая, право какого государства должно быть применено к соответствующему правоотношению. Коллизионная норма носит отсылочный характер, она только отсылает к материальным нормам, предусматривающим решение соответствующего вопроса. Поскольку коллизионная норма – норма отсылочного характера, ею можно пользоваться

только вместе с какими-либо материально-правовыми нормами, к которым она отсылает, – нормами законодательства, решающими вопрос по существу»⁸.

Вместе с тем еще в дореволюционной научной литературе была высказана мысль о том, что коллизионная норма не есть правило поведения для участников гражданского оборота, вследствие чего нельзя говорить о ее нарушении последними, а она обращена к суду, административному органу государства. Отсюда следовал вывод о публично-правовой природе коллизионных норм⁹. Как справедливо подчеркивает Л.П. Ануфриева, юридическая природа коллизионных норм в том именно и состоит, что в них гармоничным образом сочетаются публично-правовой и частнопровых элементы, в существенной мере обуславливающие ее специфику. Публично-правовой эффект коллизионной нормы носит на самом деле вторичный, производный характер. По существу, коллизионная норма как таковая санкционирует применение иностранного права в пределах конкретной национальной юрисдикции. Данное санкционирование имеет свою международно-правовую основу: «международную вежливость» в предшествующие века или принцип сотрудничества как общепризнанную норму международного публичного права в современном мире. Коллизионные нормы отражают, с одной стороны, существование различий и многообразие правопорядков государств, а с другой – взаимодействие национальных правовых систем государств¹⁰.

Коллизионные нормы представляют собой особую разновидность норм отсылочного характера, которые **выбирают подлежащую применению правовую систему, тем самым осуществляя регулятивную функцию**. В этом контексте, по мнению В.Л. Толстых, наиболее существенные особенности действия коллизионной нормы сводятся к следующему:

1. Коллизионная норма представляет собой особый юридический прием, использование которого приводит к созданию нормы отечественного права посредством использования норм иностранного права. Коллизионная норма не представляет собой норму права, она не содержит правила поведения, которое бы могло быть рассмотрено автономно от правил поведения, закрепленных в нормах иностранного права. Так же как и любая другая отсылка, коллизионная норма осуществ-

⁵ Кузнецов М.Н. Некоторые особенности развития международного частного права // Советский журнал международного права. 1991. № 1. С. 27.

⁶ См.: Лунц Л.А. Международное частное право: В 3 т. М., 2002. С. 171-172.

⁷ Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. М., 1959. С. 11.

⁸ Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. М., 2012. С. 89.

⁹ См.: Брун М.И. Введение в международное частное право. Петроград, 1915. С. 61; 78; 79.

¹⁰ См.: Ануфриева Л.П. Международное частное право: Учебник. Т. 1: Общая часть. М., 2000. С. 173.

влияет «принятие» правила иной социальной нормы в правовую систему. **Регулятивная функция нормы коллизионного права**, таким образом, проявляется только совместно с нормами иностранного права.

2. Механизм и границы обращения к нормам иностранного права, так же как и механизм и границы обращения к иным социальным нормам, определяются отечественным правом. Основная нагрузка по определению пределов действия норм иностранного права и юридической силы сконструированных на их основе норм отечественного права ложится на коллизионную норму. Коллизионная норма выполняет в отношении норм иностранного права три связанные друг с другом функции: 1) она определяет предмет регулирования норм иностранного права; 2) она определяет критерии, на основании которых происходит выбор норм права конкретного государства; 3) она придает нормам иностранного права юридическую силу, позволяющую им действовать в рамках отечественного правопорядка. **Иностранная норма имеет характер правовой лишь на территории иностранного государства**, однако ее юридическая сила в рамках отечественного правопорядка создается отечественной коллизионной нормой.

3. В результате отсылки к норме иностранного права происходит заимствование ее **рационального элемента**, то есть самого правила поведения. **Императивный элемент** нормы иностранного права, к которой делается отсылка, создается при помощи отечественных правовых средств. Отечественный законодатель выражает свою волю на применение нормы иностранного права в отсылке (коллизионной норме). Именно она придает норме иностранного права регулятивный характер, позволяя ей действовать в рамках отечественного правопорядка. Следствием отсылки к норме иностранного права является ее взаимодействие с другими нормами отечественной системы права. «Включение» нормы иностранного права в отечественный правопорядок – процесс, логически состоящий из двух стадий. Первая – анализ иностранной нормы; признание за ней характера правовой нормы в случае ее действительности, то есть наличия и рационального императивного элементов. Вторая стадия – перенос в отечественный правопорядок «рационального элемента» нормы иностранного права. При обращении к иностранной норме происходит заимствование **всех трех элементов правила поведения (гипотезы, диспозиции и санкции)**.

4. Определение предмета регулирования иностранного права происходит при помощи **объема коллизионной нормы**. Предмет регулирования норм иностран-

ного права (так же как и иных неправовых социальных норм) определяется отечественным правом. Такое определение происходит при помощи закрепления в объеме коллизионной нормы указания на институты отечественного права. При этом функция данных институтов в процессе коллизионного регулирования заключается не в том, чтобы определить права и обязанности сторон, а в том, чтобы предоставить правоприменителю информацию о типовой модели отношений, этими институтами регулируемых (объект, субъект, фактическое содержание и пр.)¹¹.

5. Так же как любая отсылка, **коллизионная норма определяет критерии**, при помощи которых происходит выбор норм права конкретного иностранного государства. Безусловным принципом МЧП можно считать правило, в соответствии с которым суд при рассмотрении спора должен применять право государства, наиболее тесно связанного с отношением. Конструкции коллизионных норм должны учитывать это требование и реализовывать его через привязку. Определение «близкого» права осуществляется при помощи указания на территориальную локализацию определенного элемента отношения, которая выступает в качестве индикатора тяготения всех остальных элементов отношения или большинства из них к определенному государству.

6. Должны ли коллизионные нормы применяться к отношениям, возникшим до их принятия? Для определения ее действия во времени мы не можем учитывать ее благоприятный или неблагоприятный для участников отношения характер. Методологически единственное, что должно приниматься во внимание, – это то, что **изменение коллизионной нормы существенно меняет правовой режим отношения**. Эти изменения не могут быть оценены с материально-правовых позиций, соответственно, единственной возможностью избежания непредвиденного ухудшения положения сторон является учет старой коллизионной нормы. Именно поэтому ретроактивное действие коллизионной нормы в большинстве случаев должно быть исключено. Даже тогда, когда новая привязка является более «разумной», нельзя ссылаться на необходимость применения «близкого» права для оправдания обратной силы коллизионной нормы.

7. По общему правилу, **отсылка к иностранному праву допускается только в сфере частных отношений**. Теоретически обращение к иностран-

¹¹ См.: Толстых В.Л. Нормы иностранного права в международном частном праве Российской Федерации. СПб., 2006. С. 90-103.

ному публичному праву не противоречит принципам международного публичного права. Принимая в свой правовой порядок норму иностранного права, мы используем ее рациональный элемент (правило поведения). Никакого ущерба для суверенных прав иностранного государства здесь нет, так же как нет его при заимствовании иностранного опыта в процессе подготовки нормативных правовых актов в области конституционного права. Таким образом, неиспользование иностранного публичного права отечественным судом связано со свойствами самих публичных отношений.

8. Создавая на основе норм иностранного права нормы отечественного права, имеющие особый предмет регулирования, отсылка исключает иные нормы отечественного права из механизма правового регулирования соответствующего отношения. Происходит дифференциация норм национального права в зависимости от предмета регулирования. Коллизийная норма не отдает предпочтение определенному иностранному праву в ущерб праву отечественному. **Коллизийная норма представляет собой не просто отсылку, она есть норма, определяющая предмет регулирования норм иностранного права.** Коллизийная норма выступает как часть (деталь) материальной нормы отечественного права и приобретает самостоятельное регулятивное воздействие только вместе с нормой иностранного права. Происходит слияние функции коллизийной нормы и функции нормы иностранного права и возникновение новой функции – правового регулирования отношений с участием иностранного элемента.

9. Так же как и любая другая отсылка, **коллизийная норма отсылает к нормам иностранного права, действующим на момент рассмотрения конкретного отношения**, а не на момент законодательного закрепления коллизийной нормы. Традиционный подход заключается в том, что вопрос о действии норм иностранного права во времени должен решаться в соответствии с иностранным правом. Действительно, это наиболее логичное решение. Однако, как и многие другие проблемы, эта проблема в последнее время рассматривается с позицией «материализации» коллизийного регулирования.

10. **Вопрос о природе коллизийной нормы относится к числу дискуссионных.** Существуют две основные позиции. Ряд авторов полагает, что коллизийные нормы относятся к нормам процессуального и, следовательно, публичного права. Вторая позиция отрицает за коллизийной нормой процессуальный

характер. **Коллизийная норма и связанная с ней норма иностранного права образуют материальную норму отечественного права.** Реальное состояние судебной практики, сложность использования коллизийной нормы, защитные оговорки в пользу *lex fori* и многое другое делают реализацию коллизийной нормы не само собой разумеющимся процессом. Коллизийная норма, действительно, в какой-то мере носит пограничный характер, занимая место между материальными и процессуальными нормами. Создавая нормы материального права, чаще всего она применяется именно судом.

11. **Обязательность применения коллизийной нормы не оспаривается в отечественной доктрине.** Представляется, что любые попытки исключить обязательное действие коллизийной нормы противоречат ее природе и, в более общем виде, – природе МЧП. Коллизийная норма является нормой обязательной, поскольку того требует необходимость поиска решения наиболее адекватного природе отношения. Признание факультативного характера коллизийной нормы фактически ведет к признанию факультативного характера норм материального права. Это противоречит самой природе права, которое всегда является определенным. Концепция факультативности опасна еще и потому, что она предоставляет чрезвычайно широкие полномочия суду, который получает возможность выбирать из двух групп норм (норм отечественного права и норм иностранного права, к которому сделана отсылка) любую¹².

Вышеприведенное рассуждение В.Л. Толстых о механизме действия коллизийных норм как норм отсылочного характера весьма последовательно в рассуждении и красочно в изложении. Тем не менее, неясным остается один вопрос. По мнению автора, коллизийные нормы не являются правовыми нормами, а иностранное право есть не правовая система, а всего лишь нормативный комплекс норм социального характера. При взаимодействии коллизийной нормы и рационального элемента иностранной правовой нормы (правила поведения, закрепленного в такой норме) происходит образование отечественной правовой нормы. Вопрос заключается в следующем: как при взаимодействии двух неправовых феноменов (коллизийной нормы и нормы иностранного права) образуется правовой феномен (норма отечественного права)? Дело в том, что любое явление действительности несет на себе печать родовых признаков, и такие

¹² Там же. С. 105-124.

признаки не могут взяться ниоткуда. Единственный выход для избежания этой логической ловушки заключается в том, чтобы признать родовое качество правового феномена и за коллизионной нормой, и за нормой иностранного права. При этом все сразу становится очевидным и логически обоснованным – два правовых явления порождают третье.

Как уже упоминалось ранее, специфика правовой природы коллизионных норм существенным образом влияет на их структуру. Коллизионная норма состоит из **двух элементов** – объема и привязки. **Объем** указывает на вид регулируемого правоотношения, а **привязка** указывает на право, подлежащее применению с целью регулирования правоотношения, осложненного иностранным элементом. Рассмотрим в качестве примера следующую коллизионную норму: «Отношения по наследованию регулируются по праву той страны, где наследодатель имел последнее место жительства». Объем данной коллизионной нормы указывает на вид регулируемого правоотношения – это наследственное правоотношение, а привязка указывает на правовую систему, подлежащую применению в регулятивных целях. В данном случае это будет правовая система государства, на территории которого наследодатель был domiciliрован в момент открытия наследства.

Для выделения различных видов коллизионных норм необходимо выбрать **критерии их классификации**. Существует несколько таких критериев, в число которых входят:

- 1) форма коллизионной привязки;
- 2) характер регулирования;
- 3) территория действия.

По **форме привязки** коллизионные нормы бывают односторонними и двусторонними. Привязка **односторонней коллизионной нормы** указывает на применение собственного материального права, то есть материального права того государства, в правовой системе которого и находится рассматриваемая коллизионная норма. Как правило, односторонние коллизионные нормы регулируют отношения собственности на недвижимое имущество и отношения по наследованию недвижимого имущества. Привязка **двусторонней коллизионной нормы** не указывает на конкретную правовую систему, подлежащую применению, а содержит общий принцип, руководствуясь которым мы можем ее выбрать. Привязку двусторонней коллизионной нормы называют **формулой прикрепления**. Следует отметить, что удельный вес двусторонних коллизионных норм значительно превышает удельный вес односторонних.

Пример односторонней коллизионной нормы:

Наследование недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в Российской Федерации, определяется по российскому праву (п. 1 ст. 1224 ГК РФ).

Пример двусторонней коллизионной нормы:

Право собственности и иные вещные права на недвижимое и движимое имущество определяются по праву страны, где это имущество находится (ст. 1205 ГК РФ).

По характеру регулирования коллизионные нормы можно разделить на диспозитивные, императивные, альтернативные и кумулятивные. **Диспозитивные нормы** закрепляют общее правило поведения, адресованное участникам правоотношения, от содержания которого они могут отступить при наличии их взаимного согласия. Формальным признаком диспозитивности выступают такие формулировки, как «стороны могут», «если иное не установлено соглашением сторон». **Императивные нормы** не предполагают возможности отступления от содержащихся в них правил поведения даже при наличии соглашения сторон. Формулировки таких норм всегда однозначно указывают на права и обязанности сторон – участников конкретного правоотношения. В этом контексте можно утверждать, что диспозитивные нормы содержат дозволения, а императивные – предписания.

Пример диспозитивной коллизионной нормы:

При отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору с участием потребителя применяется право страны места жительства потребителя (п. 2 ст. 1212 ГК РФ).

Пример императивной коллизионной нормы:

Право собственности и иные вещные права на воздушные суда, морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты, подлежащие государственной регистрации, определяются по праву страны, где эти суда и объекты зарегистрированы (ст. 1207 ГК РФ).

Альтернативные нормы предполагают наличие нескольких привязок для регулирования конкретного правоотношения, закрепленного в объеме, причем та или иная привязка применяется по усмотрению соот-

ветствующего субъекта правоотношения или иного лица (например, правоохранительного органа). **Кумулятивные нормы** сочетают возможность применения иностранного права для регулирования данного правоотношения с указанием на то обстоятельство, что соответствие требованиям собственного национального права исключает признание юридической недействительности отношения, даже если не соблюдены требования иностранного права, к которому отсылает кумулятивная коллизионная норма.

Пример альтернативной коллизионной нормы:

К требованию о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги, по выбору потерпевшего применяется:

- 1) право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности продавец или изготовитель товара либо иной причинитель вреда;
- 2) право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности потерпевший;
- 3) право страны, где была выполнена работа, оказана услуга, или право страны, где был приобретен товар (п. 1 ст. 1221 ГК РФ).

Пример кумулятивной коллизионной нормы:

Способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права (п. 2 ст. 1224 ГК РФ).

По территории действия коллизионные нормы делятся на межгосударственные и межобластные. **Межгосударственные нормы** содержатся в правовых системах различных государств и выступают в качестве регулятора правоотношений, выходящих за рамки одного государства. **Межобластные нормы** содержатся в правовой системе одного государства, имеющего несколько административно-территориальных единиц в своем составе, правовые комплексы которых обладают отличительными особенностями. Примером этого служат федеративные государства, в которых субъекты федерации имеют собственные

правовые системы. В этом случае межобластные коллизионные нормы позволяют устранить конфликты между нормативными комплексами субъектов федерации, когда несколько таких комплексов претендуют на регулирование соответствующего отношения. В других ситуациях межобластные коллизионные нормы служат необходимым дополнением к применимой межгосударственной коллизионной норме. Так, например, если в соответствии с межгосударственной коллизионной нормой применимым правом будет право местонахождения лица, то сразу же возникает вопрос, что же считать таким правом – правовой комплекс, действующий в рамках федерации в целом, или правовой комплекс субъекта федерации, на территории которого данное лицо, в конечном счете, и находится. Ответ на этот вопрос может быть дан только с помощью межобластных коллизионных норм. Особенно актуально данная проблема встает в отношении Российской Федерации, где в соответствии с Конституцией РФ от 12 декабря 1993 г. в ред. от 05 февраля 2014 г. каждый из ее субъектов имеет свою конституцию (устав) и законодательство (п. 2 ст. 5)¹³.

Важным вопросом, тесно связанным с понятием коллизионной нормы, является вопрос о статусе частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Как пишет В.П. Звекон, **статут – это компетентный правопорядок, к которому отсылает коллизионная норма и который регулирует определенный вид отношений**. Стало традиционным, поясняя регулятивные свойства коллизионной нормы, ссылаться на то, что коллизионная норма вместе с материально-правовым предписанием, к которому она отсылает, образует единое правило поведения для участников частноправового отношения. Разумеется, речь идет не о некоем российско-иностранном правоположении, а скорее о конструкции, раскрывающей значение регулятивной функции коллизионного предписания, образуемого на его основе статута соответствующих отношений. В этом механизме оказываются задействованными как объем, так и привязка коллизионной нормы. **Объем определяет вид статута (статика статута), сферу его действия, а привязка – содержание статутных норм (динамика статута)**.

И наоборот, отказ от коллизионного метода регулирования, неприятие коллизионных норм, решение коллизионной проблемы *ad hoc* применительно к каж-

¹³ См.: Толстых В.Л. Применение права страны с множественностью правовых систем в международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2003. № 2.

дой конкретной ситуации, например, путем «перебора» коллидирующих материально-правовых предписаний с целью выбора наиболее приемлемого, по сути, лишают эту категорию ее «опорных конструкций». К аналогичным последствиям ведет и абсолютизация гибкого коллизионного начала. Пожалуй, будет справедливо утверждать, что судьба рассматриваемого понятия разделяет судьбу коллизионного права с его главной «интригой» – противостоянием определенности и гибкости в установлении применимого права.

Из сказанного следует, что статут частноправовых отношений – категория, призванная обособить, выделить круг правовых норм, применимых в силу коллизионных предписаний к определенному виду отношений в их совокупности, сферу действия этих норм, перечень решаемых ими вопросов и таким образом систематизировать коллизионные начала, придав им определенность и предсказуемость. В основе понятия «статут» – то главное, сущностное, что обуславливает общность норм применимого права и их соответствие данному виду отношений.

Основание определения статута, его формирования – коллизионные нормы. В формировании статута принимают участие, как уже было замечено, оба структурных элемента коллизионных норм – как объем, так и привязка. Посредством объема коллизионной нормы устанавливаются вид и круг отношений, подчиняемых статуту, сфера его действия, перечень решаемых им вопросов, а с помощью привязки той же нормы – материальное право страны, признанное применимым, то есть содержание статута. Чем выше степень дифференциации объема коллизионных норм и специализации их привязок, тем полнее, многограннее раскрыта сфера действия статута и точнее, определеннее его границы¹⁴.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что специфика коллизионной нормы состоит в том, что она, не регулируя непосредственно права и обязанности сторон правоотношения, лишь позволяет выбрать подлежащее применению материальное право. Как было образно подчеркнуто в западной юридической литературе, «функция международного частного права считается выполненной, когда избрана подлежащая применению правовая система. Нормы МЧП не предполагают прямого разрешения спорного вопроса, и в этом смысле можно сказать, что коллизионное право

напоминает бюро информации на железнодорожном вокзале, где пассажир может узнать о том, с какой платформы отправляется его поезд»¹⁵.

Коллизионно-правовые нормы могут содержаться как в национальном законодательстве того или иного государства, так и в международных договорах. Оба данных источника коллизионного права находят применение на территории России. К их числу относятся:

- Гражданский кодекс РФ (третья часть от 26 ноября 2001 г. в ред. от 05 мая 2014 г.¹⁶) (Раздел VI «Международное частное право» – ст. 1186-1224);
- Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. в ред. от 05 мая 2014 г.¹⁷ (Раздел VII «Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства» – ст. 156-167);
- Кодекс торгового мореплавания РФ от 30 апреля 1999 г. в ред. от 03 февраля 2014 г.¹⁸ (Глава XXVI «Применимое право» – ст. 414-427);
- Договор между РФ и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам от 16 сентября 1996 г.¹⁹ (далее – Договор между РФ и Республикой Польша);
- Минская конвенция СНГ 1993 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее – Минская конвенция) в редакции Московского протокола от 28 марта 1997 г.²⁰ (далее – Московский протокол);
- Киевское соглашение СНГ 1992 г. о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности²¹;

¹⁵ North P., Fawcett J. Cheshire and North's Private International Law. London, 1992. P. 8.

¹⁶ СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2014. № 19. Ст. 2329. Новая редакция третьей части ГК РФ вступила в силу с 01 июля 2014 г.

¹⁷ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2014. № 19. Ст. 2331. Новая редакция СК РФ вступила в силу с 17 мая 2014 г.

¹⁸ СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2207; 2014. № 6. Ст. 566. Новая редакция КТМ РФ вступила в силу с 04 февраля 2014 г.

¹⁹ БМД. 2002. № 5. Данный двусторонний договор вступил в силу с 18 января 2002 г.

²⁰ БМД. 1995. № 2; 2008. № 4. Минская конвенция вступила в силу с 19 мая 1994 г. После ратификации для России она вступила в силу с 10 декабря 1994 г. Московский протокол вступил в силу с 17 сентября 1999 г. После ратификации для России он вступил в силу с 09 января 2001 г.

²¹ Информационный вестник Совета государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 4. Киевское соглашение вступило в силу с 19 декабря 1992 г. После ратификации для России оно вступило в силу с 19 декабря 1992 г.

¹⁴ См.: Звекон В.П. Коллизионное право и статут частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 2. С. 29.

- Кишиневская конвенция СНГ 2002 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам²².

Каково же соотношение норм международных договоров, участницей которых выступает Россия, и норм национального законодательства? Согласно п. 4 ст. 15 Конституции РФ международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. В соответствии с разъяснением Верховного суда РФ, данным в Постановлении Пленума Верховного суда РФ № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. в ред. от 16 апреля 2013 г.²³, в силу п. 3 ст. 5 Федерального закона РФ «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных договоров РФ, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в РФ непосредственно. В иных случаях наряду с международным договором РФ следует применять и соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый для осуществления положений указанного международного договора (п. 5).

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» от 10 октября 2003 г. в ред. от 05 марта 2013 г.²⁴ при рассмотрении судом гражданских дел непосредственно применяется такой международный договор РФ, который вступил в силу и стал обязательным для России и положения

которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права (п. 3). Неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права (п. 9). Все вышеизложенное означает, что при наличии международного договора, содержащего коллизионные нормы, именно они будут применяться для регулирования соответствующего правоотношения, а не нормы ГК РФ, поэтому к отношениям с иностранным элементом на территории государств – членов СНГ будут применяться исключительно нормы Минской конвенции, и только в случае их недостаточности – нормы российского коллизионного права.

Представим в виде таблицы основные типы формул прикрепления в МЧП, которые сложились на протяжении тысячелетней истории развития права как социального явления и имеют глубокие исторические корни. Именно этот факт определил их выражение в формулировках латинского языка. Следует отметить, что количественное и качественное многообразие коллизионных норм позволяет упомянуть только наиболее важные, широко распространенные и общеупотребимые формулы прикрепления.

№№ п/п	Формула прикрепления на латинском языке	Формула прикрепления на русском языке
1.	<i>Lex personalis</i>	Личный закон физического лица
2.	<i>Lex societatis</i>	Личный закон юридического лица
3.	<i>Lex rei sitae</i>	Закон места нахождения имущества
4.	<i>Lex voluntatis</i>	Закон автономии воли
5.	<i>Lex loci contractus</i>	Закон места заключения сделки

²² Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 2002. № 2. Кишиневская конвенция вступила в силу с 27 апреля 2004 г. Россия в ней не участвует. См.: Бахин С.В., Игнатъев А.С. Правовая помощь и правовые отношения по гражданским и семейным делам: корректировка регламентации в рамках СНГ (Кишиневская конвенция 2002 г.) // Журнал международного частного права. 2005. № 4.

²³ Бюллетень Верховного суда РФ. 1996. № 1; 2013. № 6.

²⁴ Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 12; 2013. № 5.

Международное право в XXI веке

6.	<i>Lex loci solutionis</i>	Закон места исполнения сделки
7.	<i>Lex connectionis fermitatis</i>	Закон наиболее тесной связи
8.	<i>Locus regit formam actus</i>	Закон места совершения сделки, определяющий ее форму
9.	<i>Lex loci delicti commissi</i>	Закон места совершения деликта
10.	<i>Lex loci damni</i>	Закон места причинения вреда
11.	<i>Lex fori</i>	Закон страны суда
12.	<i>Lex arbitri</i>	Закон страны проведения арбитражного разбирательства
13.	<i>Lex cartae</i>	Закон места нахождения ценных бумаг в реестре депозитария
14.	<i>Lex banderae</i>	Закон флага судна
15.	<i>Lex monetae</i>	Закон валюты обязательства
16.	<i>Lex loci laboris</i>	Закон места выполнения трудовой функции
17.	<i>Lex loci concursus</i>	Закон места проведения конкурсного производства
18.	<i>Lex loci celebrationis</i>	Закон места заключения брака
19.	<i>Lex loci originis</i>	Закон места происхождения культурной ценности
20.	<i>Lex loci protectionis</i>	Закон места, где испрашивается защита интеллектуальных (исключительных) прав

2. Классификация основных типов формул прикрепления

1) Личный закон физического лица (*lex personalis*)

Личный закон физического лица определяет правовой статус физического лица. Понятие правового статуса физического лица охватывает его гражданскую правоспособность и дееспособность, объем личных прав (право на имя, его использование и защиту), сферу брачно-семейных (опека и попечительство) и наследственных (способность лица к составлению завещания, наследование) правоотношений²⁵. Личный закон выступает в двух формах:

1) как **закон гражданства (*lex nationalis*)**, то есть как закон того государства, гражданином которого лицо является;

2) как **закон domicilio (*lex domicilii*)**, то есть как закон того государства, на территории которого лицо имеет постоянное место жительства.

Использование той или иной формы личного закона зависит от принципов построения и исторических особенностей развития конкретной правовой системы. В странах романо-германской системы права применяется закон гражданства, тогда как в странах англо-саксонской системы права – закон domicilio. Однако в настоящее время такое жесткое разграничение двух форм личного закона постепенно уходит в прошлое и уступает место сочетанию различных элементов. Наиболее ярким примером в этом отношении выступает российское право. Согласно ст. 1195 ГК РФ «Личный закон физического лица» личным законом физического лица считается право страны, гражданство которой это лицо имеет. Если лицо наряду с российским гражданством имеет и иностранное гражданство, его личным законом является российское право. Если иностранный гражданин имеет место жительства в РФ, его личным законом является российское право. При наличии у лица нескольких иностранных гражданств личным законом считается право страны, в которой это лицо имеет место жительства (п. 1-4). Личным законом лица без гражданства считается право страны, в которой это лицо имеет место жительства. Личным законом беженца считается право страны, предоставившей ему убежище (п. 5-6).

²⁵ См.: Базаев Г.Б. Личный закон физического лица в международном частном праве: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Личный закон как формула прикрепления используется в нескольких коллизионных нормах, содержащихся в российском праве:

1) гражданская правоспособность и дееспособность физического лица определяются его личным законом (ст. 1196-1197 ГК РФ);

2) права физического лица на имя, его использование и защиту определяются его личным законом (ст. 1198 ГК РФ).

3) опека или попечительство над несовершеннолетними, недееспособными или ограниченными в дееспособности совершеннолетними лицами устанавливается и отменяется по личному закону лица, в отношении которого устанавливается либо отменяется опека или попечительство (п. 1 ст. 1199 ГК РФ).

Согласно Договору между Россией и Польшей дееспособность физического лица определяется в соответствии с законодательством Договаривающейся стороны, гражданином которой это лицо является (п. 1 ст. 19). Условия заключения брака определяются для каждого из лиц, вступающих в брак, в соответствии с законодательством Договаривающейся стороны, гражданином которой это лицо является (п. 1 ст. 24). Личные и имущественные отношения супругов определяются законодательством Договаривающейся стороны, на территории которой они имеют место жительства (п. 1 ст. 25). Способность составлять или отменять завещание, равно как и правовые последствия недостатков волеизъявления, определяются законодательством Договаривающейся стороны, гражданином которой был наследодатель в момент составления или отмены завещания (п. 1 ст. 41). Таким образом, в двустороннем российско-польском договоре закреплён личный закон физического лица в обеих формах: и как закон гражданства, и как закон domicilia.

Минская конвенция также закрепляет личный закон в его двух формах применительно к правовому статусу физического лица. Основными коллизионными нормами в этой области являются следующие нормы:

1) дееспособность физического лица определяется законодательством Договаривающейся стороны, гражданином которой является это лицо. Дееспособность лица без гражданства определяется по праву страны, в которой он имеет постоянное место жительства (п. 1-2 ст. 23);

2) установление или отмена опеки и попечительства производится по законодательству Договаривающейся стороны, гражданином которой является лицо, в отношении которого устанавливается или отменяется опека или попечительство (п. 1 ст. 33);

3) усыновление или его отмена определяется по законодательству Договаривающейся стороны, гражданином которой является усыновитель (п. 1 ст. 37), а также целый ряд других норм.

2) Личный закон юридического лица (*lex societatis*)

Личный закон юридического лица определяет правовой статус юридического лица. Понятие правового статуса охватывает целую группу правоотношений, включающих:

1) статус организации в качестве юридического лица;

2) организационно-правовая форма юридического лица;

3) требования к наименованию юридического лица;

4) вопросы создания, реорганизации и ликвидации юридического лица, в том числе вопросы правопреемства;

5) содержание правоспособности юридического лица;

6) порядок приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия на себя гражданских обязанностей;

7) внутренние отношения, в том числе отношения юридического лица с его участниками;

8) способность юридического лица отвечать по своим обязательствам;

9) вопросы ответственности учредителей (участников) юридического лица по его обязательствам (п. 2 ст. 1202 ГК РФ).

Смысл данной формулы прикрепления заключается в том, что правовой статус юридического лица определяется законом того государства, чью государственную принадлежность (национальность) имеет юридическое лицо²⁶. Трудность состоит в том, что право разных государств по-разному регулирует этот вопрос в силу различия исторически сложившихся критериев определения государственной принадлежности (национальности) юридических лиц. Определение национальности юридического лица существенным образом влияет на установление его принадлежности к конкретному правопорядку – собственному или иностранному, который и является его личным статутом. Таким образом, личный статут юридического лица устанавливается посредством определения его государственной принад-

²⁶ См.: *Borg-Barthel J.* The Governing Law of Companies in EU Law (Studies in Private International Law Series). Hart Publishing, 2012; *Paschalidis P.* Freedom of Establishment and Private International Law for Corporations (Oxford Private International Law Series). Oxford University Press, 2012.

лежности (национальности)²⁷. Традиционно для этого используются критерии инкорпорации, оседлости и места ведения деятельности.

Критерий инкорпорации (места учреждения) означает, что за юридическим лицом признается национальность того государства, на территории которого выполнены формальности по его учреждению, где оно организовано и зарегистрировано. Этому критерию придерживается законодательство стран англо-саксонской системы права и ряда других государств, в число которых входит и Россия. В соответствии с п. 1 ст. 1202 ГК РФ личным законом юридического лица считается право страны, где учреждено юридическое лицо. Личным законом иностранной организации, не являющейся юридическим лицом по иностранному праву, считается право страны, где эта организация учреждена (ст. 1203 ГК РФ). Аналогичный критерий используется и в Договоре между Россией и Польшей, и в Минской конвенции. В Договоре между Россией и Польшей указано, что правоспособность и дееспособность юридического лица определяются по законодательству Договаривающейся стороны, в соответствии с которым это юридическое лицо было создано (п. 2 ст. 19). В Минской конвенции указано, что правоспособность юридического лица определяется законодательством того государства-участника, по законам которого оно было учреждено (п. 3 ст. 23).

Критерий оседлости (места нахождения административного центра) предполагает, что за юридическим лицом признается национальность того государства, на территории которого расположены управленческие органы юридического лица. Этот критерий предусмотрен в законодательстве стран романо-германской системы права, однако понятие оседлости неодинаково трактуется в практике разных государств. В одних случаях под ним понимается «уставная оседлость» (место расположения управленческих органов, закрепленное в учредительных документах), в других случаях – реальная оседлость, обусловленная фактическим местонахождением административного центра юридического лица. **Критерий места ведения основной хозяйственной деятельности** предусматривает, что юридическое лицо имеет национальность того государства, на территории которого оно осуществляет свою деловую активность. Данный критерий закреплен в законодательстве целого ряда арабских государств (Сирии, Египта) и в прошлом выступал как одно из средств борьбы за экономическую независимость.

3) Закон места нахождения имущества (*lex rei sitae*)

Закон места нахождения имущества определяет правовой статус собственности. В правовой статус собственности включаются следующие вопросы:

- 1) виды объектов вещных прав, в том числе принадлежность имущества к недвижимым или движимым вещам;
- 2) оборотоспособность объектов вещных прав;
- 3) виды вещных прав;
- 4) содержание вещных прав;
- 5) возникновение и прекращение вещных прав, в том числе переход права собственности;
- 6) осуществление вещных прав;
- 7) защита вещных прав (ст. 1205.1 ГК РФ).

Сущность данной формулы прикрепления заключается в том, что правовое положение имущества и вещные права, с ним связанные, определяются по закону того государства, где это имущество находится. Данная общепризнанная формула прикрепления нашла отражение и в российском праве, которое предусматривает, что право собственности и иные вещные права на недвижимое и движимое имущество определяются по праву страны, где это имущество находится (ст. 1205 ГК РФ). Закон местонахождения имущества используется в качестве формулы прикрепления в целом ряде коллизионных норм. В их число входят следующие нормы российского законодательства:

1) возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на имущество определяются по праву страны, где это имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для возникновения либо прекращения права собственности и иных вещных прав, если иное не предусмотрено законом (п. 1 ст. 1206 ГК РФ);

2) при отсутствии соглашения сторон о праве, подлежащем применению к договору в отношении недвижимого имущества, применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан. Правом страны, с которой такой договор наиболее тесно связан, считается, если иное явно не вытекает из закона, условий или существа договора либо совокупности обстоятельств дела, право страны, где находится недвижимое имущество (п. 1 ст. 1213 ГК РФ);

3) наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где находится это имущество, а наследование имущества, которое внесено в государственный реестр в РФ, – по российскому праву (п. 1 ст. 1224 ГК РФ).

²⁷ См.: *Сутормин Н.* Критерии определения государственной принадлежности юридического лица // Вестник Государственной регистрационной палаты при Министерстве юстиции РФ. 2010. № 4.

Аналогичной позиции придерживается и Договор между Россией и Польшей, и Минская конвенция. В Договоре между Россией и Польшей предусмотрено, что к правоотношениям, касающимся недвижимого имущества, применяется законодательство и компетентны учреждения Договаривающейся стороны, на территории которой находится недвижимое имущество (ст. 35). В Минской конвенции предусмотрено, что право собственности на недвижимое имущество определяется по законодательству Договаривающейся стороны, на территории которой находится недвижимое имущество. Вопрос о том, какое имущество является недвижимым, решается в соответствии с законодательством страны, на территории которой находится это имущество (п. 1 ст. 38). Возникновение и прекращение права собственности или иного вещного права на имущество определяется по законодательству Договаривающейся стороны, на территории которой имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием возникновения или прекращения такого права (п. 3 ст. 38).

4) Закон автономии воли (*lex voluntatis*)

Закон автономии воли определяет статут обязательственного правоотношения, предусматривая, что оно регулируется правом того государства, которое выбрали стороны такого правоотношения. Наличие иностранного элемента и обязательственный характер отношений между субъектами обуславливают возможность выбора подлежащего применению материального права самими сторонами – участниками договора²⁸. Закон автономии воли занимает центральное место во всех национальных системах МЧП, и все остальные коллизионные привязки рассматриваются как носящие вспомогательный характер и используемые только при отсутствии выбора применимого права сторонами, заключившими договор. Широкое применение закона автономии воли на практике привело к определенной

устойчивости его содержания, которое, тем не менее, подверглось различной правовой оценке²⁹.

В научной литературе были сформулированы три подхода к раскрытию сущности этого института. Ряд ученых объясняет автономию воли как институт, созданный соответствующей национальной правовой системой для разрешения коллизий законов, возникающих в международных сделках, и рассматривают волю сторон как одну из коллизионных привязок, способных определить применимый к данному случаю закон, ставя его на тот же уровень, что и другие коллизионные привязки, существующие в той же правовой системе (как, например, место заключения договора, место исполнения обязательства и т.д.). Другие авторы выводят автономию воли из свободы договора, разрешенной соответствующей национальной системой гражданского права, поэтому они ограничивают применимость автономии воли лишь сферой, регулируемой диспозитивными, но не императивными нормами. Согласно третьей точке зрения автономия воли является не коллизионной нормой, а своеобразным способом регулирования правовых отношений с иностранным элементом. Специфика положения автономии воли в правовой системе объясняется тем, что этот институт непосредственно связан с самой природой права как особого общественного явления.

По мнению Д. Мосс, поскольку большинство правовых систем признает правовые системы других стран и находится в постоянном международном взаимодействии, автономию воли следует рассматривать как выражение сущности права³⁰. Несмотря на наличие разных подходов к раскрытию природы и места закона автономии воли в правовой системе того или иного государства, законодательство практически всех государств закрепляет его в качестве определяющего начала в регулировании договорно-правовых отношений, осложненных иностранным элементом. В соответствии с российским законодательством стороны договора могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору. Соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела. Выбор сторонами подлежащего применению права, сделанный после за-

²⁸ Новая редакция Раздела VI третьей части ГК РФ существенно расширила применение принципа автономии воли, распространив его не только на договорные, но и внедоговорные обязательства. Так, согласно п. 1 ст. 1223.1, если иное не вытекает из закона, после совершения действия или наступления иного обстоятельства, повлекших причинение вреда или неосновательное обогащение, стороны могут выбрать по соглашению между собой право, подлежащее применению к обязательству, возникающему вследствие причинения вреда или вследствие неосновательного обогащения. Выбранное сторонами право применяется без ущерба для прав третьих лиц.

²⁹ См.: *Николюкин С.В.* Автономия воли сторон и особенности права, применимого к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом // *Нотариус.* 2008. № 6.

³⁰ См.: *Мосс Д.* Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража. М., 1996. С. 8.

ключения договора, имеет обратную силу и считается действительным, без ущерба для прав третьих лиц и действительности сделки с точки зрения требований к ее форме, с момента заключения договора (п. 1-3 ст. 1210 ГК РФ). Согласно Договору между Россией и Польшей обязательства по договорам определяются законодательством государства, которое будет избрано сторонами (п. 1 ст. 36).

Согласно Регламенту ЕС № 593/2008 «О праве, применимом к договорным обязательствам» от 17 июня 2008 г. (далее – Регламент Рим I) **договор регулируется правом, выбранным сторонами**. Выбор должен быть прямо выражен или определенно вытекать из положений договора либо из обстоятельств дела. Посредством данного выбора стороны могут указать подлежащее применению право для своего договора в целом или только для отдельной его части. Стороны в любое время могут прийти к соглашению о том, что договор будет регулироваться иным правом чем то, которое регулировало его ранее согласно предшествующему выбору или согласно другим положениям настоящего Регламента. Любое изменение в определении подлежащего применению права, которое происходит после заключения договора, не затрагивает формальную действительность договора и не наносит ущерба правам третьих лиц³¹ (п. 1-2 ст. 3).

В связи с формулировками закона автономии воли, имеющими сходный характер, несмотря на различие в правовых системах, его включающих, возникает вопрос о существовании ограничителей относительно выбора подлежащего применению права. Будет ли признан юрисдикционным органом выбор сторонами права, не имеющего никакой связи с регулируемым договорным отношением? Сложившаяся судебная и арбитражная практика в целом дает положительный ответ на поставленный вопрос, однако предусматривает другие ограничения. Позиция англо-саксонской системы права отражена в деле *Vita Food Products Inc v. Unus Shipping Co. Ltd* (1939)³², в котором было указано, что **выбор сторонами подлежащего применению права должен быть добросовестным и законным**. Таким образом, можно утверждать о наличии, по крайней мере, двух условий осуществления закона автономной воли:

1) выбор сторонами права, подлежащего применению к договорным отношениям между ними, не должен

противоречить публичному порядку государства, где это применение должно осуществляться;

2) выбор сторонами подлежащего применению права не должен быть сделан с единственной целью обойти закон, а именно, путем выбора права исключить императивные нормы, применение которых к договору в противном случае было бы обязательным.

Право, избранное сторонами договора, считается применимым правом (**applicable law or the proper law of contract**) и регулирует следующий круг вопросов:

- 1) толкование договора;
- 2) права и обязанности сторон договора;
- 3) исполнение договора;
- 4) последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения договора;
- 5) прекращение договора;
- 6) последствия недействительности договора (п. 1 ст. 1215 ГК РФ).

Как уже отмечалось выше, о выборе сторонами права, применимого для регулирования договорных обязательств, говорится и в международных конвенциях, унифицирующих коллизионное право в этой области. Так, например, Гагская конвенция 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, говорит о том, что договор купли-продажи регулируется правом, выбираемым сторонами. Соглашение сторон о таком выборе должно быть явно выражено или прямо вытекать из условий договора и поведения сторон, рассматриваемых в их совокупности. Такой выбор может ограничиваться частью договора (п. 1 ст. 7). Стороны могут в любое время договориться о подчинении договора в целом или его части какому-либо иному праву, помимо права, которым он регулировался ранее, независимо от того, что право, ранее регулировавшее договор, было выбрано сторонами. Любое изменение сторонами применимого права, состоявшееся после заключения договора, не наносит ущерба формальной действительности договора или правам третьих лиц (п. 2 ст. 7).

Как справедливо отмечает В.П. Звеков, особенностями унификации коллизионного права, касающегося принципа автономии воли, являются:

1) придание началу автономии воли значения основополагающего коллизионного правила, предвещающего другие коллизионные решения;

2) разнообразие способов выражения и пределов автономии воли сторон (воля, выражаемая в самом договоре; вытекающая из договора, поведения сторон совокупности обстоятельств дела; обозначаемая прямо, непосредственно или следующая с разумной определен-

³¹ См.: *Magnus U., Mankowsky P. (eds.) Rome I Regulation (European Commentaries on Private International Law Series)*. Sellier European Law Publishers, 2013.

³² [1939] 1 All England Reports 513.

ностью; позволяющая определять применимое право к договору в целом или к его части, переподчинять его иному праву);

3) допущение в определенных случаях ограничения автономии воли посредством императивных норм страны суда или третьей страны, а также оговорки о публичном порядке;

4) использование в качестве субсидиарной «гибкой» коллизионной привязки к праву страны, с которой договор имеет наиболее тесную связь, а также дифференцированных систем других коллизионных правил, включая правила так называемого характерного (типичного) исполнения (*characteristic performance*)³³.

5) Закон места заключения сделки (*lex loci contractus*)

Закон места заключения сделки также применяется к договорным правоотношениям и предусматривает их регулирование правом того государства, на территории которого был заключен договор. Эта формула прикрепления носит вспомогательный характер по отношению к закону автономии воли и применяется в том случае, когда стороны не выбрали соответствующее материальное право, а также в иных случаях, установленных в законодательстве (например, в отношении односторонних сделок). В соответствии с российским законодательством возникновение и прекращение права собственности и иных вещных прав на имущество определяются по праву страны, где это имущество находилось в момент, когда имело место действие или иное обстоятельство, послужившие основанием для возникновения либо прекращения права собственности и иных вещных прав, если иное не предусмотрено законом (п. 1 ст. 1206 ГК РФ). Несколько иная формулировка данной привязки содержится в Минской конвенции, где говорится о том, что возникновение и прекращение права собственности или иного вещного права на имущество, являющееся предметом сделки, определяется по законодательству места совершения сделки, если иное не предусмотрено соглашением сторон (п. 4 ст. 38). Права и обязанности сторон по сделке определяются по законодательству места ее совершения, если иное не предусмотрено соглашением сторон (ст. 41)³⁴.

³³ См.: Зевков В.П. Международное частное право: Курс лекций. М., 2004. С. 377.

³⁴ Российское законодательство в отношении односторонних сделок занимает следующую позицию: к обязательствам, возникающим из односторонних сделок, если иное явно не вытекает из закона, условий или существа сделки либо совокупности

Данная формула прикрепления в целом характерна для стран англо-саксонской системы права, однако используется и целым рядом других государств. Ее однозначный характер, тем не менее, поднимает вопрос о том, что считать местом заключения сделки. В отношении односторонних сделок это более или менее ясно. Но как быть в том случае, когда речь идет о заключении договора купли-продажи между сторонами, находящимися в разных государствах и общающихся между собой посредством почтовой или телекоммуникационной связи? Право разных государств по-разному отвечает на этот вопрос. Государства англо-саксонской системы права полагают, что местом заключения договора в этом случае будет место отправления акцепта оференту, а государства романо-германской системы права будут считать местом заключения договора место получения акцепта оферентом. Применительно к договорам купли-продажи действует и Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров, в которой однозначно указано, что договор считается заключенным в момент, когда акцепт оферты вступает в силу (ст. 23). Акцепт оферты вступает в силу в момент, когда он получен оферентом (п. 2 ст. 18). Следовательно, Венская конвенция восприняла позицию стран романо-германской системы права, хотя ее участниками являются и государства иных правовых систем. Тем самым унифицированный подход к определению места заключения договора заменил национальные традиции применительно к случаям международной купли-продажи товаров.

6) Закон места исполнения сделки (*lex loci solutionis*)

Закон места исполнения сделки применяется к тому же кругу правоотношений, что и предыдущие формулы прикрепления, и носит вспомогательный характер по отношению к закону автономии воли. Данная формула прикрепления содержится в законодательстве ряда государств романо-германской системы права и в некоторых международных конвенциях. Ее сущность заключается в том, что договорные отношения регулируются правом того государства, на территории которого договор подлежит исполнению. В российском законодательстве данная формула прикрепления используется в очень узкой трактовке. Согласно п. 4

обстоятельств дела, применяется право страны, где на момент совершения односторонней сделки находится место жительства или основное место деятельности стороны, принимающей на себя обязательства по односторонней сделке (ст. 1217 ГК РФ).

ст. 1211 ГК РФ при отсутствии соглашения сторон договора о подлежащем применению праве к договору строительного подряда и договору подряда на выполнение проектных и изыскательских работ применяется право страны, где в основном создаются предусмотренные соответствующим договором результаты. В соответствии со ст. 9 Гаагской конвенции 1978 г. о праве, применимом к агентированию, независимо от того, какое право применимо к конкретному агентскому соглашению, при исполнении такого соглашения будет принято во внимание право места его исполнения.

7) Закон наиболее тесной связи (*lex connectionis fermitatis*)

Закон, с которым правоотношение наиболее тесно связано, выступает как дополнительная формула прикрепления по сравнению с законом автономии воли и регулирует круг договорных правоотношений. Исторически данная формула прикрепления сложилась в англо-саксонской системе права относительно недавно, но уже получила закрепление в европейском частном праве, а именно сначала в Римской конвенции, затем в Регламенте Рим I. Согласно последнему в случае, если подлежащее применению право не может быть определено на основании п. 1-2 ст. 4, то договор регулируется правом страны, с которой он имеет наиболее тесную связь (п. 4 ст. 4). Наиболее тесная связь договора и применимого права определяется целым рядом факторов, специфичных для того или иного договора. Так, для договора международной перевозки грузов этими факторами могут быть место расположения основного коммерческого предприятия перевозчика, место погрузки или место разгрузки товаров. Если предметом контракта выступают вещные права в отношении недвижимого имущества, то фактором наиболее тесной связи будет являться место нахождения недвижимости.

Еще в начале XX в. в российской науке МЧП подчеркивалось значение тесной связи регулируемого правоотношения с правовой системой определенного государства. Так, Б.Э. Нольде писал, что «всякая коллизионная норма является ответом на вопрос о том, какой из разноместных гражданских материальных законов применяется к данной категории правоотношений, заключающих в себе международные (или междуобластные) элементы; ответ этот дается признанием обязательной силы за тем из этих законов, с которым данная категория правоотношения одним из своих международных (или междуобластных) элементов, по мнению данной коллизионной системы, всего теснее

связана»³⁵. М.И. Брун полагал, что «выбор между разноместными законами материального права в случае их коллизии предполагает не только оценку содержания этих законов (их социальной цели), но и испытание крепости привязок. Содержание законов материального права оценивается для того, чтобы конфликтный законодатель мог сказать, может ли он допустить действие иностранного закона, буде образовалась какая-либо из привязок правоотношения с иностранным элементом к его материальному законодательству; для начертания самой конфликтной нормы необходима дальнейшая оценка – к какому из двух законодательств правоотношение тянется сильнее»³⁶.

При рассмотрении вопроса о привязке наиболее тесной связи в качестве важного фактора общего характера можно назвать **концепцию «характерного исполнения» (characteristic performance)**, воплощенную в п. 3 ст. 4 Регламента Рим I. Согласно этой норме в случае, если договор не подпадает под действие п. 1 ст. 4 или если элементы договора подпадают под действие нескольких подпунктов (a)-(h) п. 1 ст. 4, то договор регулируется правом той страны, где находится обычное место жительства стороны, которая должна осуществить исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. В случае, если из всех обстоятельств дела вытекает, что договор имеет явно более тесные связи с другой страной чем та, которая указана в п. 1-2 ст. 4, то применяется право этой другой страны (п. 3 ст. 4).

Нельзя не отметить тот факт, что концепции характерного исполнения присуща некоторая доля неопределенности. Для ее устранения было предложено рассматривать в качестве характерного исполнения такое обязательство, которое позволяет отличить один вид договора от другого. Таким образом, уплата денежных сумм по договору никогда не будет характерным исполнением, скорее им будет то обязательство, за которое должно быть получено денежное вознаграждение, то есть поставка товара в договоре купли-продажи, оказание транспортных услуг по договору перевозки и т.д. Если следовать данному толкованию концепции характерного исполнения, то по договору купли-продажи характерным исполнением будет поставка товара продавцом, а применимым правом будет право страны

³⁵ Нольде Б.Э. Очерк международного частного права // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. Юрьев, 1909. С. 470.

³⁶ Брун М.И. Публичный порядок в международном частном праве. Петроград, 1916. С. 56.

продавца, что приводит нас к коллизионной привязке «закон страны продавца» (*lex venditoris*).

Концепция характерного исполнения нашла отражение и в современном российском законодательстве, что, безусловно, является новеллой и шагом вперед на пути унификации национального коллизионного права и его гармонизации с европейским правом. Более того, закон наиболее тесной связью становится главной, приоритетной коллизионной привязкой в отношении договорных обязательств после закона автономии воли. Согласно ст. 1211 ГК РФ при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет **исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора**. Стороной, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, признается сторона, являющаяся, в частности:

- 1) продавцом – в договоре купли-продажи;
- 2) дарителем – в договоре дарения;
- 3) арендодателем – в договоре аренды;
- 4) ссудодателем – в договоре безвозмездного пользования;
- 5) подрядчиком – в договоре подряда;
- 6) перевозчиком – в договоре перевозки;
- 7) экспедитором – в договоре транспортной экспедиции;
- 8) займодавцем (кредитором) – в договоре займа (кредитном договоре);
- 9) финансовым агентом – в договоре финансирования под уступку денежного требования;
- 10) банком – в договоре банковского вклада (депозита) и договоре банковского счета;
- 11) хранителем – в договоре хранения;
- 12) страховщиком – в договоре страхования;
- 13) поверенным – в договоре поручения;
- 14) комиссионером – в договоре комиссии;
- 15) агентом – в агентском договоре;
- 16) исполнителем – в договоре возмездного оказания услуг;
- 17) залогодателем – в договоре о залоге;
- 18) поручителем – в договоре поручительства (п. 1-2 ст. 1211 ГК РФ).

Правом страны, с которой договор наиболее тесно связан, в частности, является:

- 1) в отношении договора строительного подряда и договора подряда на выполнение проектных и изыскательских работ – право страны, где в основном создаются предусмотренные соответствующим договором результаты;

2) в отношении договора простого товарищества – право страны, где в основном осуществляется деятельность такого товарищества;

3) в отношении договора, заключенного на аукционе, по конкурсу или на бирже, – право страны, где проводится аукцион или конкурс либо находится биржа;

4) в отношении договора коммерческой концессии – право страны, на территории которой пользователю разрешается использование комплекса принадлежащих правообладателю исключительных прав, либо, если данное использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя;

5) в отношении договора об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации – право страны, на территории которой действует передаваемое приобретателю исключительное право, а если оно действует на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя;

6) в отношении лицензионного договора – право страны, на территории которой лицензиату разрешается использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а если такое использование разрешается на территориях одновременно нескольких стран, право страны, где находится место жительства или основное место деятельности лицензиара (п. 3-8 ст. 1211 ГК РФ).

К договору, содержащему элементы различных договоров, применяется право страны, с которой этот договор, рассматриваемый в целом, наиболее тесно связан, если из закона, условий или существа этого договора либо совокупности обстоятельств дела не вытекает, что применимое право подлежит определению для таких элементов этого договора отдельно (п. 10 ст. 1211 ГК РФ).

Согласно Договору между Россией и Польшей, если стороны не избрали подлежащего применению законодательства, применяется законодательство Договаривающейся стороны, на территории которой проживает, учреждена или имеет местонахождение сторона, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания такого договора (п. 1 ст. 36).

Согласно Регламенту Рим I при отсутствии выбора применимого права, осуществленного в соответствии со ст. 3, и без ущерба ст. 5-8 право, подлежащее применению к договорам, определяется следующим образом:

(а) договор купли-продажи товаров регулируется правом страны, где имеет свое обычное место жительства продавец;

(b) договор оказания услуг регулируется правом страны, где имеет свое обычное место жительства поставщик услуг;

(с) договор, имеющий предметом вещное право на недвижимое имущество или аренду недвижимого имущества, регулируется правом страны, где находится недвижимое имущество;

(d) договор аренды недвижимого имущества, заключенный с целью временного личного пользования на срок не более шести последовательных месяцев, регулируется правом страны, где имеет свое обычное место жительства собственник, при условии, что арендатором является физическое лицо, имеющее свое обычное место жительства в той же самой стране;

(е) договор коммерческой концессии регулируется правом страны, где имеет свое обычное место жительства правообладатель;

(f) договор о сбыте продукции регулируется правом страны, где имеет свое обычное место жительства стона, осуществляющая сбыт;

(g) договор купли-продажи товаров на аукционе регулируется правом страны, где имеет место купля-продажа на аукционе, если это место может быть определено;

(h) договор, заключенный в рамках многосторонней системы, которая обеспечивает или облегчает согласование разнообразных интересов покупателей и продавцов, выраженных через третьих лиц в отношении финансовых инструментов, и которая регулируется правом одной-единственной страны, подчиняется этому праву (п. 1 ст. 4).

Как правильно отмечает Е.В. Кабатова, введение принципа применения права той страны, с которой то или иное отношение наиболее тесно связано, является наиболее ярким примером проявления в МЧП гибких принципов определения применимого права³⁷. По ее мнению, принцип наиболее тесной связи выступает скорее как общий принцип, а не как результат применения коллизионной нормы. Если сравнить структуру обычной коллизионной нормы с привязкой «тесная связь», то следует признать, что «тесная связь» очень мало на нее похожа. Привязка коллизионной нормы всегда указывает на конкретную правовую систему, подлежащую применению (например, при договоре

купли-продажи в силу коллизионной нормы возможно применение права страны продавца). Ничего подобного не происходит, если законодатель или практика отсылает к праву страны, с которой правоотношение тесно связано. Здесь отсутствует указание на конкретную правовую систему – это должно быть определено судом или арбитражем при рассмотрении конкретного спора. При этом суд учитывает самые разные обстоятельства. Такой процесс нахождения и, что самое важное, результат нахождения применимого права весьма отличен от действия обычной коллизионной нормы. Это дает нам основания говорить о том, что нахождение тесной связи – не результат применения коллизионной нормы, а результат применения общего принципа, уже широко используемого в современном МЧП для определения применимого права³⁸.

Из вышеизложенного можно сделать общий вывод о том, что коллизионные привязки, сложившиеся на протяжении столетий и воспринятые многочисленными национальными правовыми системами (например, *lex venditoris* – в отношении договоров купли-продажи, *lex rei sitae* – в отношении договоров, связанных с недвижимым имуществом), выступают в качестве индикаторов выявления наиболее тесной связи договора с той или иной правовой системой, однако сам процесс такого выявления находится в полной зависимости от усмотрения юрисдикционного органа – суда или арбитража.

В связи с рассматриваемым коллизионным принципом уместно сказать несколько слов о коллизионной привязке «закон страны продавца» (*lex venditoris*). Закон страны продавца выступает как обобщающая формула прикрепления, регулирующая не только куплю-продажу, но и все иные виды договорных отношений (агентирование, подряд, перевозку, страхование, хранение и т.д.). Данная формула прикрепления носит вспомогательный характер и применяется в том случае, когда стороны не выбрали право на основании закона автономии воли. Как уже упоминалось ранее, российское законодательство в настоящее время рассматривает эту привязку как индикатор тесной связи данного договора с той или иной правовой системой. Вместе с тем эта формула прикрепления встречается и в международных договорах.

Так, ст. 6 Гагской конвенции 1978 г. о праве, применимом к агентированию, предусматривает, что если применимое право не было определено самими сторонами, то им будет национальное право того государства, на территории которого в момент заключения агентского соглашения агент имел свое коммерческое

³⁷ См.: Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве // Богуславский М.М., Светланов А.Г. (ред.) Международное частное право: современная практика: Сборник статей. М., 2000. С. 8.

³⁸ Там же. С. 8-9.

предприятие или, при отсутствии такового, свое обычное место жительства. В соответствии с Гаагской конвенцией 1986 г. о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, если стороны не выбрали право, подлежащее применению к договору купли-продажи, то таким правом будет право того государства, где продавец имел свое коммерческое предприятие в момент заключения договора (п. 1 ст. 8)³⁹.

8) Закон места совершения сделки, определяющий ее форму (*locus regit formam actus*)

Закон места совершения сделки определяет ее форму независимо от того, является ли сделка односторонней (завещание, доверенность) или двусторонней (договор). Эта формула прикрепления, имеющая общепризнанный характер, закреплена как в российском законодательстве, так и в международных договорах. В соответствии с п. 1 ст. 1209 ГК РФ форма сделки подчиняется праву страны, подлежащему применению к самой сделке. Однако сделка не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования права страны места совершения сделки к форме сделки. Совершенная за границей сделка, хотя бы одной из сторон которой выступает лицо, чьим личным законом является российское право, не может быть признана недействительной вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования российского права к форме сделки⁴⁰.

Форма завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или акт его отмены не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права (п. 2 ст. 1224 ГК РФ). Следует отметить, что форма сделки в отношении недвижимого имущества подчиняется праву страны, где находится это имущество, а в отношении недвижимого имущества, которое внесено в государственный реестр в РФ – российскому праву (п. 4 ст. 1209 ГК РФ).

Сходные нормы присутствуют и в Договоре между Россией и Польшей, и в Минской конвенции. Согласно

Договору между Россией и Польшей форма сделки определяется законодательством Договаривающейся стороны, которое применяется к самой сделке. Однако достаточно соблюдения законодательства Договаривающейся стороны, на территории которой заключается сделка. Форма сделки в отношении недвижимого имущества определяется законодательством Договаривающейся стороны, на территории которой находится недвижимое имущество (ст. 34). Форма составления или отмены завещания определяется законодательством Договаривающейся стороны, гражданином которой был наследодатель в момент составления или отмены завещания. Однако достаточно соблюдения законодательства Договаривающейся стороны, на территории которой было составлено или отменено завещание (п. 2 ст. 41). Форма заключения брака определяется законодательством Договаривающейся стороны, на территории которой заключается брак (п. 2 ст. 24). Согласно Минской конвенции форма сделки определяется по законодательству места ее совершения. Форма сделки по поводу недвижимого имущества и прав на него определяется по законодательству Договаривающейся стороны, на территории которой находится такое имущество (ст. 39). Форма и срок действия доверенности определяются по законодательству Договаривающейся стороны, на территории которой выдана доверенность (ст. 40).

9) Закон места совершения деликта (*lex loci delicti commissi*)

Закон места совершения деликта регулирует обязательственные правоотношения внедоговорного характера, в основе возникновения которых лежит юридический факт причинения ущерба личности или имуществу⁴¹. Эта формула прикрепления означает, что к деликтным отношениям применяется право того государства, на территории которого был совершен деликт. Наиболее сложным вопросом в связи с применением данной формулы прикрепления выступает вопрос о том, что считать местом совершения деликта – место осуществления вредоносного действия или место проявления вредоносных последствий? Ответ на этот вопрос дается по-разному в правоприменительной практике разных государств. Страны англо-саксонской системы права

³⁹ См.: Асосков А.В. Принцип наиболее тесной связи в современном международном частном праве // Законодательство. 2010. № 11.

⁴⁰ Эта коллизионная норма может быть сформулирована на основании положения п. 1 ст. 1209 ГК РФ о том, что общее правило о форме сделки применяется и к форме доверенности.

⁴¹ См.: Зевков В.П. Обязательства вследствие причинения вреда в коллизионном праве. М., 2007; Кабатова Е. Модернизация коллизионного регулирования деликтов // Хозяйство и право. 2004. № 1; Пирцхалава Х.Д. К вопросу о понятии и классификации внедоговорных трансграничных обязательств в международном частном праве РФ // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 3.

традиционно понимали под местом совершения деликта место осуществления вредоносного действия, а страны романо-германской системы права – место проявления причинения ущерба.

Однако к настоящему времени эти положения терпели изменения в связи с развитием европейского частного права и принятием Регламента ЕС № 864/2007 «О праве, применимом к внедоговорным обязательствам» от 11 июля 2007 г. (далее – Регламент Рим II). Согласно последнему правому, которое применимо к внедоговорным обязательствам, возникающим на основании деликта, является право того государства, на территории которого причинен ущерб (*damage occurs*), независимо от права того государства, на территории которого событие, послужившее основанием для возникновения ущерба, имело место, а также независимо от права того государства, на территории которого проявились косвенные последствия вредоносного события⁴². Однако, если причинитель вреда и потерпевший имели обычное место пребывания на территории одного и того же государства в момент причинения ущерба, применяется право именно этого государства. Когда из совокупности всех обстоятельств дела явно следует, что деликт наиболее тесно связан с государством, отличным от указанного в п. 1 и 2, то применяется право именно этого государства. Наиболее тесную связь с другим государством определяют, в частности, сложившиеся ранее отношения между сторонами, например, контрактные отношения, тесно связанные с деликтными по существу (ст. 4)⁴³.

Российское законодательство в настоящее время применяет весьма специфический подход к этому вопросу. Речь идет о том, что к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, применяется право страны, где имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. В случае, когда в результате такого действия или иного обстоятельства вред наступил в другой стране, может быть применено право этой страны, если причинитель вреда предвидел или должен был предвидеть наступление вреда в этой стра-

не (п. 1 ст. 1219 ГК РФ). Если стороны обязательства, возникающего вследствие причинения вреда, имеют место жительства или основное место деятельности в одной и той же стране, применяется право этой страны. Если стороны данного обязательства имеют место жительства или основное место деятельности в разных странах, но являются гражданами или юридическими лицами одной и той же страны, применяется право этой страны (п. 2 ст. 1219 ГК РФ).

К требованию о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги, по выбору потерпевшего применяется:

1) право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности продавец или изготовитель товара либо иной причинитель вреда;

2) право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности потерпевший;

3) право страны, где была выполнена работа, оказана услуга, или право страны, где был приобретен товар.

Выбор потерпевшим права, предусмотренного подпунктом 2 или 3 настоящего пункта, не допускается, если причинитель вреда докажет, что он не предвидел и не должен был предвидеть распространение товара в соответствующей стране. Если стороны выбрали по соглашению между собой право, подлежащее применению к требованию о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги, применяется выбранное сторонами право (п. 1-2 ст. 1221 ГК РФ). Если потерпевший не воспользовался предоставленным ему правом выбора и отсутствует соглашение сторон о подлежащем применению праве, применяется право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности продавец или изготовитель товара либо иной причинитель вреда, при условии, что из закона, существа обязательства либо совокупности обстоятельств дела не вытекает иное. Правила настоящей статьи соответственно применяются к требованиям о возмещении вреда, причиненного вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре, работе или об услуге (п. 3-4 ст. 1221 ГК РФ).

Согласно Договору между Россией и Польшей обязательства, возникающие вследствие причинения вреда (вследствие недозволенных действий), определяются законодательством Договаривающейся стороны, на территории которой имело место обстоятельство, являющееся основанием для требования о возмещении вреда. Если истец и ответчик являются гражданами одной Договаривающейся стороны, применяется законодательство этой Договаривающейся стороны (п. 1

⁴² Таким образом, современное коллизийное регулирование в европейском МЧП осуществило переход от формулы прикрепления *lex loci delicti commissi* (закон места совершения деликта) к формуле прикрепления *lex loci damni* (закон места причинения вреда).

⁴³ См.: Банковский А.В. Новый этап унификации международного частного права ЕС: Рим II // Журнал международного частного права. 2006. № 3; Magnus U., Mankowsky P. (eds.) Rome II Regulation (European Commentaries on Private International Law Series). Sellier European Law Publishers, 2013.

ст. 37). Минская конвенция говорит о том, что обязательства о возмещении вреда, кроме вытекающих из договоров и других правомерных действий, определяются по законодательству Договаривающейся стороны, на территории которой имело место действие или иное обстоятельство, послужившее основанием для требования о возмещении вреда. Если причинитель вреда и потерпевший являются гражданами одной Договаривающейся стороны, применяется законодательство этой Договаривающейся стороны (п. 1-2 ст. 42). Таким образом, позиция государств – членов СНГ заключается в том, что под местом причинения ущерба понимается место совершения вредоносного действия. Такая позиция Минской конвенции несколько отличается от норм российского национального права, хотя определяющий признак места совершения вредоносного действия выходит на первый план и в последнем случае.

На основании права, подлежащего применению к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда, определяются:

- 1) способность лица нести ответственность за причиненный вред;
- 2) возложение ответственности за вред на лицо, не являющееся причинителем вреда;
- 3) основания ответственности;
- 4) основания ограничения ответственности и освобождения от нее;
- 5) способы возмещения вреда;
- 6) объем и размер возмещения вреда (ст. 1220 ГК РФ).

10) Закон страны суда (*lex fori*)

Закон страны суда является широко распространенной формулой прикрепления и предусматривает, что конкретное правоотношение регулируется законодательством того государства, суд которого рассматривает связанный с ним спор. Данная формула прикрепления применяется главным образом для регулирования процессуальных вопросов ведения гражданского судопроизводства. Это значит, что суд, рассматривающий гражданско-правовой спор, всегда будет применять свое собственное национальное процессуальное право. Однако и вопросы материально-правового характера могут решаться в соответствии с законом страны суда, если об этом есть прямое указание коллизионного права. Так, в соответствии со ст. 424 КТМ РФ к возникновению морского залога на судно и очередности удовлетворения требований, обеспеченных морским залогом на судно, применяется закон государства, в суде которого рассматривается спор. Согласно ст. 426 КТМ РФ к ограничению

ответственности по морским требованиям применяется закон государства, в суде которого рассматривается морское требование, подпадающее под ограничение ответственности.

Согласно Договору между Россией и Польшей по делам о расторжении брака применяется законодательство и компетентны органы той Договаривающейся стороны, гражданами которой являются супруги на момент подачи заявления. Если в момент подачи заявления один из супругов является гражданином одной Договаривающейся стороны, а второй – гражданином другой Договаривающейся стороны, то условия расторжения брака определяются законодательством Договаривающейся стороны, на территории которой они имеют местожительство. Если один из супругов проживает на территории одной Договаривающейся стороны, а второй – на территории другой Договаривающейся стороны, то применяется законодательство Договаривающейся стороны, в органе которой рассматривается дело о расторжении брака (п. 1-2 ст. 26).

Минская конвенция также содержит данную формулу прикрепления применительно к семейным отношениям. Если супруги, один из которых является гражданином одной Договаривающейся стороны, а второй – другой Договаривающейся стороны, не имели совместного места жительства на территориях Договаривающихся сторон, то к их личным и имущественным правоотношениям применяется законодательство Договаривающейся стороны, суд которой (или иное учреждение) рассматривает дело (п. 4 ст. 27). Значение данной формулы прикрепления в соответствии с современным российским законодательством заключается в том, что ей придан субсидиарный характер, и в отдельных случаях она может заменить собой другие коллизионные привязки.

В заключение хотелось бы отметить те наиболее существенные изменения коллизионного регулирования, которые были внесены законодателем в действующий Раздел VI третьей части ГК РФ в процессе проведения масштабной реформы российского гражданского законодательства. Такие изменения сводятся к следующему:

1) обновлено понятие сверхимперативных норм, получивших ныне название «нормы непосредственного применения», что позволило провести их однозначное отграничение от императивных норм в правовой системе какого-либо государства (ст. 1192 ГК РФ);

2) уточнено понятие оговорки о публичном порядке в целях устранения практики неоправданного обращения к этой защитной оговорке, а также более

точного определения того, что понимается под российским публичным порядком в контексте регулирования отношений, осложненных иностранным элементом (ст. 1193 ГК РФ);

3) расширен личный статут юридического лица путем включения в него вопросов ответственности учредителей и участников юридического лица по его обязательствам, а также введена субсидиарная односторонняя коллизионная привязка, согласно которой, если учрежденное за границей юридическое лицо осуществляет свою предпринимательскую деятельность преимущественно на территории РФ, к требованиям об ответственности по обязательствам юридического лица его учредителей (участников), других лиц, которые имеют право давать обязательные для него указания или иным образом имеют возможность определять его действия, применяется российское право либо по выбору кредитора личный закон такого юридического лица (п. 4 ст. 1202 ГК РФ);

4) в целях достижения большей определенности коллизионного регулирования нормы о праве, подлежащем применению к вещным правам, дополнены перечнем конкретных вопросов, которые решаются на основе указанного права (вещного статута – ст. 1205.1 ГК РФ), как это сделано при определении сферы действия личного статута юридического лица (п. 2 ст. 1202 ГК РФ), а также права, подлежащего применению к договорным обязательствам (договорного статута – п. 1 ст. 1215) и к деликтным обязательствам (деликтного статута – ст. 1220 ГК РФ);

5) отменена односторонняя коллизионная норма об обязательной письменной форме внешнеэкономической сделки, хотя бы одной из сторон которой выступает российское юридическое лицо. Отныне форма сделки подчиняется праву страны, подлежащему применению к самой сделке. Однако в соответствии с принципом *favor negotii* вводится кумулятивная коллизионная норма, согласно которой достаточно соблюдения права страны места совершения сделки для признания ее юридически действительной (п. 1 ст. 1209 ГК РФ);

6) упрощена и детализирована структура ст. 1210 и 1211 ГК РФ, касающихся реализации принципа автономии воли сторон договорного обязательства и определения права, подлежащего применению к договору в отсутствие его выбора сторонами договора. При этом в качестве основной коллизионной привязки сохранен принцип применения права той страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осу-

ществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора (п. 1 ст. 1211 ГК РФ);

7) расширен круг внедоговорных обязательств, в отношении которых предусматривается коллизионное регулирование. В их число включаются коллизионные нормы относительно так называемой преддоговорной ответственности (*culpa in contrahendo*), то есть обязательств, возникающих вследствие недобросовестного ведения переговоров о заключении договора (ст. 1222.1 ГК РФ);

8) расширена допустимость выбора сторонами внедоговорного обязательства применимого права путем включения в сферу действия принципа автономии воли обязательств, возникающих вследствие причинения вреда или вследствие неосновательного обогащения (ст. 1223.1 ГК РФ); разрешен вопрос о соотношении договорного и деликтного статуты в ситуации причинения вреда, тесно связанного с договорными отношениями между сторонами (п. 3 ст. 1219 ГК РФ);

9) потерпевшему по-прежнему предоставлены три варианта выбора права, применимого к ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги, однако отныне такой выбор не зависит от согласия причинителя вреда на поступление товара в соответствующую страну. Ему достаточно доказать, что он не предвидел и не должен был предвидеть распространение товара в соответствующей стране (п. 1 ст. 1221 ГК РФ);

10) сформулированы абсолютно новые коллизионные нормы, регулирующие выбор права, применимого к переходу прав кредитора к другому лицу на основании закона (ст. 1216.1 ГК РФ); к отношениям представительства (ст. 1217.1 ГК РФ); к прекращению обязательства зачетом (ст. 1217.2 ГК РФ); к установлению допустимости требования о возмещении вреда страховщиком (ст. 1220.1 ГК РФ). **Настоящая статья подготовлена при поддержке Правовой информационно-справочной системы «Консультант Плюс». Данное научное исследование (проект № 14-01-0098) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2014-2015 г.г.**

Библиография:

1. Алешина А.В. Коллизионные нормы как основа нормативного состава международного частного права // Журнал международного частного права. 2012. №

2. Асосков А.В. Формы выражения соглашения сторон о выборе применимого права // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. 2011. №
3. Асосков А. Реформа Раздела VI «Международное частное право» Гражданского кодекса РФ // Хозяйство и право. 2014. № 2.
4. Байбороша Н.С. Классические типы коллизионных привязок // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2011. № 4.
5. Вельяминов Г.М. О понятиях международного частного права, правовой унификации и права в целом // Закон. 2013. № 12.
6. Вознесенская Н.Н. Международное частное право и сравнительное правоведение // Вестник Государственной регистрационной палаты при Министерстве юстиции РФ. 2012. № 6.
7. Гетьман-Павлова И.В. Применение иностранных публично-правовых норм в международном частном праве // Международное публичное и частное право. 2013. № 4.
8. Канашевский В.А. Соглашения о передаче конфиденциальной информации: вопросы коллизионного права // Законодательство. 2013. № 5.
9. Меликян Ш.З. Унификация коллизионного права на Евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. 2012. № 7.
10. Новикова О.В. Концептуальные основы оговорки о публичном порядке и нормах непосредственного применения в английском праве // Закон. 2013. № 2.
11. Плеханов В.В. Проблема предварительного вопроса в международном частном праве // Муранов А.И., Плеханов В.В. (сост. и ред.) Трансграничный торговый оборот и право: международный коммерческий арбитраж, международное частное право, сравнительное, гражданское право и процесс, право международной торговли, экономический анализ права: Сборник статей и эссе. М., 2013.
12. Рустамова Н.Н. Новые разработки в области формирования подходов к определению применимого права и формулирования коллизионных норм в международном частном праве // Право и политика. 2013. № 1.
13. Степин А.Б. Общие и отличительные особенности российских и международных средств судебной защиты частного права // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 1.
14. Халафян Р.М. Концепция международного «мягкого права» в международно-правовой доктрине // Евразийский юридический журнал. 2012. № 2.
15. Швакин С.В. Проблемы международного взаимодействия национальных правовых систем // Евразийский юридический журнал. 2012. № 6.
16. Кодан С.В., Февралёв С.А. Состояние, развитие и унификация местного права Малороссии и западных губерний (вторая половина XVII – первая половина XIX вв.) // NB: Вопросы права и политики. – 2013. – 5. – С. 268-295. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.5.579. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_579.html
17. Н. Ю. Ерпылева. Понятие, предмет и метод международного частного права. // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2011. – № 1.
18. Н. Ю. Ерпылева, И. В. Гетьман-Павлова. Кодификация международного частного права в Республике Грузия // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – № 2. – С. 104-107.
19. Н. Ю. Ерпылева, Д. М. Максимов. Правовое регулирование международных железнодорожных перевозок // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – № 3. – С. 104-107.
20. Н.Ю. Ерпылева, Д.М. Максимов. Правовой статус межправительственной организации по международным железнодорожным перевозкам // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – № 4. – С. 104-107.
21. Н.Ю. Ерпылева, У.Э. Батлер. Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России и Украины: современное правовое регулирование // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2013. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.01.3
22. Ерпылева Н.Ю., Клевченкова М.Н.. Унификация норм о международной судебной юрисдикции в международном процессуальном праве // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2013. – № 3. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.8984
23. Ерпылева Н.Ю., Максимов Д.М.. Правовое регулирование международных комбинированных перевозок грузов, пассажиров и багажа // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations.

– 2013. – № 4. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.4.10356

24. Ерпылева Н.Ю.. Международное чековое право и российское законодательство: основные категории и механизмы регулирования чековых отношений // *Международное право и международные организации / International Law and International Organizations*. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2014.1.1157

References (transliteration):

1. Aleshina A.V. Kollizionnye normy kak osnova normativnogo sostava mezhdunarodnogo chastnogo prava // *Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava*. 2012. №
2. Asoskov A.V. Formy vyrazheniya soglasheniya storon o vybore primenimogo prava // *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda RF*. 2011. №
3. Asoskov A. Reforma Razdela VI «Mezhdunarodnoe chastnoe pravo» Grazhdanskogo kodeksa RF // *Khozyaistvo i pravo*. 2014. № 2.
4. Baiboroshina N.S. Klassicheskie tipy kollizionnykh privyazok // *Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*. 2011. № 4.
5. Vel'yaminov G.M. O ponyatiyakh mezhdunarodnogo chastnogo prava, pravovoi unifikatsii i prava v tselom // *Zakon*. 2013. № 12.
6. Voznesenskaya N.N. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo i sravnitel'noe pravovedenie // *Vestnik Gosudarstvennoi registratsionnoi palaty pri Ministerstve yustitsii RF*. 2012. № 6.
7. Get'man-Pavlova I.V. Primenenie inostrannykh publichno-pravovykh norm v mezhdunarodnom chastnom prave // *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2013. № 4.
8. Kanashevskii V.A. Soglasheniya o peredache konfidentsial'noi informatsii: voprosy kollizionnogo prava // *Zakonodatel'stvo*. 2013. № 5.
9. Melikyan Sh.Z. Unifikatsiya kollizionnogo prava na Evraziiskom prostranstve // *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2012. № 7.
10. Novikova O.V. Kontseptual'nye osnovy ogovorok o publichnom poryadke i normakh neposredstvennogo primeneniya v angliiskom prave // *Zakon*. 2013. № 2.
11. Plekhanov V.V. Problema predvaritel'nogo voprosa v mezhdunarodnom chastnom prave // Muranov A.I., Plekhanov V.V. (sost. i red.) *Transgranichnyi torgovyi oborot i pravo: mezhdunarodnyi kommercheskii arbitrazh, mezhdunarodnoe chastnoe pravo, sravnitel'noe, grazhdanskoe pravo i protsess, pravo mezhdunarodnoi trgovli, ekonomicheskii analiz prava: Sbornik statei i esse*. M., 2013.
12. Rustamova N.N. Novye razrabotki v oblasti formirovaniya podkhodov k opredeleniyu primenimogo prava i formulirovaniya kollizionnykh norm v mezhdunarodnom chastnom prave // *Pravo i politika*. 2013. № 1.
13. Stepin A.B. Obshchie i otlichitel'nye osobennosti rossiiskikh i mezhdunarodnykh sredstv sudebnoi zashchity chastnogo prava // *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*. 2013. № 1.
14. Khalafyan R.M. Kontseptsiya mezhdunarodnogo «myagkogo prava» v mezhdunarodno-pravovoi doktrine // *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2012. № 2.
15. Shvakin S.V. Problemy mezhdunarodnogo vzaimodeistviya natsional'nykh pravovykh sistem // *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2012. № 6.
16. Kodan S.V., Fevralev S.A. Sostoyanie, razvitie i unifikatsiya mestnogo prava Malorossii i zapadnykh gubernii (vtoraya polovina XVII – pervaya polovina XIX vv.) // *NB: Voprosy prava i politiki*. – 2013. – 5. – С. 268-295. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.5.579. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_579.html
17. N. Yu. Erpyleva. Ponyatie, predmet i metod mezhdunarodnogo chastnogo prava. // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations*. – 2011. – № 1.
18. N. Yu. Erpyleva, I. V. Get'man-Pavlova. Kodifikatsiya mezhdunarodnogo chastnogo prava v Respublike Gruzii // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations*. – 2012. – № 2. – S. 104-107.
19. N. Yu. Erpyleva, D. M. Maksimov. Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh zheleznodorozhnykh perevozok // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations*. – 2012. – № 3. – S. 104-107.
20. N.Yu. Erpyleva, D.M. Maksimov. Pravovoi status mezhpriatel'stvennoi organizatsii po mezhdunarodnym zheleznodorozhnym perevozкам // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations*. – 2012. – № 4. – S. 104-107.
21. N.Yu. Erpyleva, U.E. Batler. Proizvodstvo po delam s uchastiem inostrannykh lits v mezhdunarodnom protsessual'nom prave Rossii i Ukrainy: sovremennoe pravovoe regulirovanie // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and*

- International Organizations. – 2013. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.01.3
22. Erpyleva N.Yu., Klevchenkova M.N.. Unifikatsiya norm o mezhdunarodnoi sudebnoi yurisdiktsii v mezhdunarodnom protsessual'nom prave // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2013. – № 3. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.3.8984
23. Erpyleva N.Yu., Maksimov D.M.. Pravovoe regulirovanie mezhdunarodnykh kombinirovannykh perevozok gruzov, passazhirov i bagazha // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2013. – № 4. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2013.4.10356
24. Erpyleva N.Yu.. Mezhdunarodnoe chekovoie pravo i rossiiskoe zakonodatel'stvo: osnovnye kategorii i mekhanizmy regulirovaniya chekovykh otnoshenii // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations. – 2014. – № 1. – С. 104-107. DOI: 10.7256/2226-6305.2014.1.1157